

Научная статья

УДК 811.511.1

DOI 10.17223/18137083/93/19

Языковая лояльность в марийской диаспоре Республики Башкортостан

Владислав Андреевич Орлов

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

vladorlov@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6180-7154>

Аннотация

Освещается вопрос языковой лояльности у марийцев старой диаспоры Республики Башкортостан. Основой исследования послужили данные, собранные в ходе опроса представителей диаспоры в трех районах Республики: Калтасинском, Мишкинском и Шаранском. Материал собирался путем глубинного полуструктурированного интервью, посвященного языковой биографии респондента, функционированию марийского языка в различных сферах жизни, отношению к марийской культуре и языку. Всего было опрошено 95 представителей диаспоры. Языковая лояльность, понимаемая в работе как отношение к языку в широком смысле, принимается как один из ключевых факторов, определяющих сохранность марийского языка в диаспоре. Обсуждаются проявления высокого уровня языковой лояльности в диаспоре, заключающиеся, в частности, в отношении к марийскому языку как к символу принадлежности к сообществу. Показывается, как языковая лояльность дает основание и мотивацию членам сообщества использовать родной язык.

Ключевые слова

марийский язык, старые диаспоры, восточные марийцы, языковая лояльность, языковая ситуация, сохранность языка, языковой сдвиг, символическая роль языка

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта “Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах”, поддержанного РНФ (№ 24-28-00157).

Автор выражает глубокую признательность М. В. Куцаевой и Т. Б. Агранат за возможность участия в проекте и обсуждение исследования.

Для цитирования

Орлов В. А. Языковая лояльность в марийской диаспоре Республики Башкортостан // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 257–271. DOI 10.17223/18137083/93/19

© Орлов В. А., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 257–271
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4, pp. 257–271

Language loyalty in the Mari diaspora in Bashkortostan

Vladislav A. Orlov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

vladorlov@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6180-7154>

Abstract

This paper examines language loyalty within the Mari people in the Republic of Bashkortostan. In Russia, the Mari diaspora, dating back to the 16th century, is considered one of the older Finno-Ugric diasporas. The research data were compiled in 2024, using thorough, semi-structured interviews with ninety-five speakers from three Republic districts: Mishkinsky, Sharansky, and Kaltasinsky. The interviews addressed linguistic background, the functional spheres of the Mari language, and perceptions of Mari culture and language. This research defines language loyalty as a set of attitudes toward one's ethnic language and a key factor for its preservation within the diaspora. The findings reveal a high degree of language loyalty, manifested in the perception of Mari as a symbol of community belonging. This loyalty provides ground and motivation for the community members to use their native language as a primary means of communication and fosters disapproval of ethnic Maris who refuse to use the language. A conclusion is drawn that knowledge of Mari is a fundamental ethnic attribute and an essential component of the traditional Mari religion, necessary for performing and following rituals.

Keywords

Mari language, Eastern Mari, language loyalty, old diaspora, language shift, language preservation, language situation, symbolic function of the language

Acknowledgments

This research was conducted within the project "The functioning of Mari idioms in old diasporas," supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00157.

The author expresses her profound gratitude to M. V. Kutsaeva and T. B. Agranat for the opportunity to participate in the project and for the insightful discussions of the research.

For citation

Orlov V. A. Language loyalty in the Mari diaspora in Bashkortostan. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4, pp. 257–271. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/19

Введение

Отношение сообщества к языку образует один из ключевых компонентов языковой ситуации. Это особенно актуально в случае многоязычных сообществ, в которых сосуществует несколько идиомов. Возникающее в таком случае распределение языков часто приводит к конкуренции между ними, когда один из идиомов начинает вытесняться из той или иной сферы. Более того, неустойчивость языковой ситуации может привести к постепенной утрате компетенции во владении одним из языков, т. е. спровоцировать языковой сдвиг. В этом случае рациональные и эмоциональные установки, определяющие отношение к этому языку в целом, могут стать важнейшим фактором, определяющим сохранность идиома.

В настоящей работе изучается вопрос языковой лояльности в старой марийской диаспоре Республики Башкортостан на примере марийцев Калтасинского (с. Калтасы, д. Бабаево и Кояново) Мишкинского (с. Мишкинское и Чураево,

д. Баймурзино) и Шаранского (с. Шаран, д. Акбарисово и Емметово) районов. Языковая лояльность понимается нами как «языковая приверженность коллектива» [Вахтин, Головкин, 2004, с. 47], т. е. набор оценок своего языка, характеристика его пригодности для осуществления возлагаемых на него функций (см. также [ССТ, 2006, с. 261]).

Марийская диаспора Башкортостана начала образовываться в XVI в., когда марийское население массово покидало места своего исторического расселения. Среди причин исхода следует отметить частые военные столкновения Московского царства с Казанским ханством, затрагивающие местное марийское население, а также постоянно усиливавшийся социальный и экономический гнёт, сопровождавший присоединение марийских земель к Московскому царству. Важнейшую роль также сыграло сопротивление политике христианизации, проводимой Российским государством (подробнее о причинах и процессе образования марийских диаспор см. [Сепеев, 2006]).

Таким образом, марийскую диаспору Башкортостана можно рассматривать как «старую» диаспору, для которой характерна сформированная идентичность, противопоставляющая себя и сообществу на «родине», и доминирующей группе в новом месте проживания (см. [Кондрашкина, 2016]). В случае с марийцами Башкортостана основаниями для такого противопоставления в первую очередь выступают язык и культура.

Марийцы Башкортостана относятся к группе восточных марийцев (*эрвел марий*), проживающих помимо Башкортостана на территории Татарстана, Удмуртии, Пермского края и Свердловской области. Язык восточных марийцев близок к луговому, но имеет ряд характерных черт, часть из которых возникла благодаря длительным и интенсивным контактами с носителями тюркских языков (башкирского и татарского). Отдельным восточномарийским говорам Башкортостана посвящены работы [Апсатарова, 1999; Сельдюкова, 2011], в которых, однако, основное внимание уделяется грамматической системе. С социалингвистической точки зрения марийская диаспора Башкортостана подробно не изучалась.

Важнейшим культурным отличием марийцев Башкортостана является традиционная марийская религия, в силу исторических причин гораздо лучше сохранившаяся здесь по сравнению с Марий Эл. Следует также отметить значительное количество культурных практик, выработанных в контакте с окружающими народами (подробнее см. [Сепеев, 1976; Садиков, 2016]).

В настоящее время Башкортостан является крупнейшим регионом проживания марийцев за пределами Республики Марий Эл (табл. 1).

Материалы исследования были собраны автором в ходе полевой работы в Калтасинском, Мишкинском и Шаранском районах Республики Башкортостан в 2024 г. С участниками исследования проводились глубокие полуструктурированные интервью на русском языке¹; длительность интервью варьировалась

¹ Как справедливо отмечает рецензент этой статьи, проведение интервью на марийском языке могло бы способствовать большей открытости респондентов. Мы выбрали русский в качестве языка интервью по следующим соображениям. Во-первых, как отмечается далее, среди наших респондентов встречались люди, испытывающие затруднения при общении на марийском (в первую очередь это касалось детей, живущих в райцентре). Во-вторых, общение на марийском языке с исследователем, не являющимся носителем марийского языка, могло бы привести к коммуникативным затруднениям, вызванным сомнениями респондента в том, что его понимают. Наконец, проведение интервью на русском языке согласуется

в зависимости от человека и в среднем составляла 1 час. Задаваемые вопросы касались языковой биографии участника исследования, использования им марийского и иных языков в различных сферах жизни, отношения к марийской культуре и соблюдения традиций, а также отношения к марийскому языку. В табл. 2 представлен половозрастной состав итоговой выборки, указано количество респондентов в каждой когорте по населенным пунктам. Итоговое число опрошенных респондентов составило 95 человек ².

Выборка не является сбалансированной, что объясняется, во-первых, спецификой полевой работы и зависимостью исследователя от желания респондентов, во-вторых, демографическими особенностями. Последнее особенно влияет на число респондентов в более молодых когортах (молодежь уезжает учиться и работать в более крупные города), а также на количество респондентов мужского пола.

Марийский язык занимает значительное место в жизни марийцев Башкортостана. Он остается основным языком внутрисемейного общения между родственниками старшего поколения, однако во многих семьях от него отказываются при общении с детьми. Среди причин этого явления чаще всего называется преимущественное использование русского языка в детском саду, а также интернет, подавляющее количество контента в котором также на русском языке. При этом отмечается, что материалов на марийском слишком мало, и они не способны заинтересовать ребенка. Наконец, русский язык воспринимается как гораздо более перспективный по сравнению с марийским, в связи с чем многие родители, желая своим детям лучшего будущего, учат их в первую очередь именно русскому (см. также обсуждение в разделе 3).

Указанные тенденции в первую очередь характерны для более крупных населенных пунктов (сёла-райцентры: Калтасы, Мишкино, Шаран), в которых роль русского исторически выше. Однако и в деревне, как отмечает большинство респондентов, дети массово перестают усваивать марийский язык, в связи с чем и взрослые при общении с ними переключаются на русский.

В таких обстоятельствах языковая лояльность становится важным фактором сохранности языка. Межпоколенческая передача языка во многом зависит от того, считают ли родители значимым то, что их дети владеют родным языком. В настоящей работе показывается, что в условиях, когда русский язык является доминирующим практически во всех социальных и экономических сферах, сохранность марийского языка во многом обеспечивается тем, что в сообществе ощущается его важность для самоидентификации и ассоциации себя с марийской культурой.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. Раздел 1 посвящен понятию языковой лояльности и обсуждению различных взглядов на языковую лояльность в литературе. Основные результаты исследования представлены в разделах 2 и 3, где приводятся характеристики языковой лояльности в диаспоре, а также исследуется связь между языковой лояльностью и сохранностью языка. Основные выводы и перспективы исследования приводятся в разделе «Заключение».

с методикой более ранних исследований марийской диаспоры в Московском регионе [Куцаева, 2020; 2023], что облегчает сопоставление результатов этих работ с нашей.

² В силу различных причин с отдельными респондентами не удавалось обсудить тот или иной вопрос, из-за чего итоговое количество ответов отличается для каждого вопроса. Я указываю количество опрошенных для каждого вопроса в тексте.

Динамика численности марийского населения в регионах РФ по данным переписей населения *

Таблица 1

Table 1

Dynamics of the Mari population in the regions of Russia according to the census data

Место	Год								
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
РСФСР / РФ	428 001	476382	498 066	581 082	599 637	643 698	604 298	547 605	423 803
Марий Эл	247 979	273 332	279 450	299 179	306 627	324 349	312 178	290 863	246 560
Башкортостан	79 298	90 163	93 902	109 638	106 793	105 768	105 829	103 658	84 988

* Таблица составлена по: Всероссийская перепись населения 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul; Demoscope weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6/. Цит. по: [Куцаева, 2023].

Половозрастной состав выборки по населенным пунктам

Таблица 2

Table 2

Sex and age demographics of the sample, categorized by the respondent residency

Когорта	Калтасинский р-н		Мишкинский р-н		Шаранский р-н		Итого	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М
12–20	2; из них: К – 2; Б – 0; Кй – 0	0	5; из них: М – 1; Ч – 2; Бай – 2	5; из них: М – 2; Ч – 2; Бай – 1	2; из них: Ш – 1; А – 1; Е – 0	0	9	5
21–30	0		0		1; из них: Ш – 1; А – 0; Е – 0	1; из них: Ш – 1; А – 0; Е – 0	1	1

Окончание табл. 2

Когорта	Калтасинский р-н		Мишкинский р-н		Шаранский р-н		Итого	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М
31–40	3 ; из них: К – 1; Б – 0; Кй – 1	1 ; из них: К – 0; Б – 1; Кй – 0	4 ; из них: М – 3; Ч – 1; Бай – 0	0	0		7	1
41–50	4 ; из них: К – 3; Б – 0; Кй – 1	0	3 ; из них: М – 0; Ч – 1; Бай – 2	0	1 ; из них: Ш – 0; А – 1; Е – 0	0	8	0
51–60	14 ; из них: К – 4; Б – 5; Кй – 5	1 ; из них: К – 1; Б – 0; Кй – 0	7 ; из них: М – 0; Ч – 3; Бай – 4	0	4 ; из них: Ш – 0; А – 3; Е – 1	0	25	1
61–70	3 ; из них: К – 0; Б – 2; Кй – 1;	1 ; из них: К – 1; Б – 0; Кй – 0	13 ; из них: М – 4; Ч – 5; Бай – 4	4 ; из них: М – 1; Ч – 1; Бай – 2	4 ; из них: Ш – 0; А – 2; Е – 3	1 ; из них: Ш – 0; А – 0; Е – 1	20	6
71+	1 ; из них: К – 1; Б – 0; Кй – 0	2 ; из них: К – 1; Б – 1; Кй – 0	4 ; из них: М – 1; Ч – 2; Бай – 1	1 ; из них: М – 0; Ч – 1; Бай – 0	3 ; из них: Ш – 1; А – 2; Е – 0	0	8	3
Итого	27	5	36	10	15	2	78	17
Всего							95	

Условные обозначения: А – д. Акбарисово, Б – с. Бабаево, Бай – д. Баймурзино, Е – д. Емметово, К – с. Калтасы, Кй – д. Кояново, М – с. Мишкинское, Ч – с. Чураево, Ш – с. Шаран.

1. О языковой лояльности

Термин «языковая лояльность» восходит к работе У. Вайнрайха (1953), посвященной языковым контактам, где определяется как установка в сообществе, придающая родному языку более высокую ценность по сравнению с другими языками; ценность, которая нуждается в активной защите. Важнейшим аспектом языковой лояльности считается наличие действий, направленных на поддержку своего языка, а также осознание его как символа сообщества [Weinreich, 1979, p. 99–102].

Дальнейшее развитие термин получил в работах Дж. Фишмана, где больший упор делается уже на психологическое отношение группы к своему языку (см., например: [Fishman, 1966; 1991]). При таком подходе языковая лояльность определяется как совокупность оценок коллективом языка, которая может варьироваться от активной поддержки языка до пренебрежения и даже отрицательного отношения к нему.

Это определение принимается и в настоящей статье. Необходимо, однако, учитывать, что вопрос языковой лояльности рассматривался Дж. Фишманом в том числе с практической перспективы, и подъем уровня языковой лояльности в его работах считался важным шагом на пути сохранения или возрождения языка (см. обсуждение в [Баранова, 2010, с. 16]). В рамках данной работы мы по большей части отвлекаемся от практического аспекта языковой лояльности и сосредотачиваемся на описании степени языковой лояльности как психологического набора установок к языку в сообществе (см. аналогичный подход в [Баранова, 2010; Куцаева, 2020]).

2. Языковая лояльность в марийской диаспоре Башкортостана

В предыдущем разделе мы определили языковую лояльность как отношение к языку в сообществе. В этом и следующем разделах мы подробно рассмотрим отношение к марийскому языку в старой марийской диаспоре Башкортостана, а также затронем вопрос о связи языковой лояльности и сохранности языка.

Ответы респондентов, отражающие степень их языковой лояльности, могли возникнуть при обсуждении различных тем, однако в основном концентрировались вокруг следующих вопросов:

- 1) Какой, по Вашему мнению, язык необходимо знать Вам, Вашим детям? Какой набор языков понадобится в будущем?
- 2) Достаточно ли марийский язык преподается в школе?
- 3) Стараетесь ли Вы сохранить язык – передать его детям? Если да, то каким образом?
- 4) Боитесь ли Вы, что марийский язык исчезнет?
- 5) Назовите Ваш родной язык.
- 6) Можете ли Вы назвать марийцем марийца (по происхождению), который не знает марийского языка?
- 7) Будете ли Вы поправлять марийца, если он начнет говорить с Вами по-русски? Перейдете ли Вы сами на русский?
- 8) Что Вас делает марийцем / марийкой?

При этом вопросы (1)–(4) в основном направлены на «утилитарную» оценку марийского языка и его перспективы, тогда как (5)–(8) в большей степени затрагивали личное отношение к языку и его связь с идентичностью респондента.

Вопрос о языковой лояльности в значительной степени связан с тем, какой язык респондент определяет в качестве родного. Отметим, что само понятие «родной язык» неоднозначно (см. [Беликов, 1997, с. 13–14]), и ответ на вопрос (5) может, в частности, восприниматься как ответ на вопрос о языке, доминирующем функционально, или же о языке-символе, отражающем принадлежность к группе.

Как обсуждалось выше, функциональное доминирование марийского языка коррелирует с возрастом респондента и местом проживания, и представители более старших поколений (30 лет и более), а также жители деревень, используют марийский язык практически во всех сферах жизни за исключением общения с детьми и немарийцами.

Однако родным марийский язык указывают и марийцы – жители райцентра, а также молодые респонденты, что свидетельствует о его значимой символической роли. Среди 89 респондентов, ответивших на вопрос (5), лишь 2 человека указали родным языком не марийский язык. В обоих случаях в качестве родного языка был указан русский. Ответ обосновывался тем, что русский язык для них – функционально первый. При этом о том, что они преимущественно пользуются русским языком, заявило 24 респондента. Об определении марийского как родного в символической функции говорит и то, что его указывают респонденты, по их словам, не владеющие (в полной мере) языком: «Марийский родной, хоть я и не разговариваю <...> в детстве только, а сейчас только с подружками секретничаем. <...> Подружки смеются, что акцент у меня» (Ж, 44, К)³.

О высокой символической значимости марийского языка может свидетельствовать также ответ на вопрос (8). Отметим, однако, что для многих респондентов сама формулировка этого вопроса вызвала некоторые затруднения, что – можно предположить несколько спекулятивно – в какой-то степени отражает устойчивость положения башкирских марийцев по отношению к внешней среде, не требующей от них активного отстаивания своей идентичности (ср. с во многом противоположной ситуацией и соответствующими размышлениями московских марийцев в [Куцаева, 2020])⁴.

³ Каждая цитата сопровождается информацией о поле, возрасте респондента и месте его проживания (условные обозначения см. в табл. 2). Далее в цитатах курсив используется для выражений на марийском языке; жирным шрифтом отмечены наиболее важные реплики, подтверждающие тезис.

⁴ Если это предположение верно, то можно несколько уточнить слова У. Вайнрайха [Weinreich, 1979, p. 100] о процветании языковой лояльности в условиях языкового контакта. Многовековые интенсивные контакты с тюркскими народами и их влияние во многом определили идентичность современных марийцев Башкортостана, что привело к тому, что значительный культурный пласт, образовавшийся в результате этого влияния, стал осознаваться частью этой идентичности, во многом сглаживая возможную проблемность межэтнического общения. Напротив, все более возрастающее влияние русского языка и культуры осознается нашими респондентами как проблемное и потенциально опасное для сохранности марийской идентичности. Отметим также, что как проблемное воспринимается и влияние литературного марийского языка, в значительной степени непонятного для наших респондентов, в особенности для тех, кто не изучал его в достаточной мере в школе. Ср.: «Раньше ‘государство’ *государством* было, а сейчас *кугыжаныш*. Я считаю, что это издевательство над языком. ‘Марийская литература’ – *мари литература*. А сказали, что а – рус-

Нам удалось получить 77 ответов на вопрос (8). Язык в качестве средства осознания себя марийцем указало 34 человека (примерно 44 %).

О символической роли марийского языка говорят также ответы на вопрос (6). Марийцы, не владеющие этническим языком, – явление относительно новое для марийской диаспоры Башкортостана, и все еще не до конца осознанное многими членами сообщества (см. подробнее в разделе 3). Из 74 респондентов, ответивших на вопрос (6), половина (37 человек) указала, что марийцем нельзя назвать человека, не владеющего марийским языком. По нашим данным не прослеживается связи между ответом на этот вопрос и местом жительства респондента.

Однако существует зависимость между ответом респондента на вопрос (6) и его возрастом. Так, наиболее часто о том, что марийцем может быть и человек, не знающий языка, говорили люди в когорте 71+ (5 человек из 7 ответивших), что связано с пониманием этничности как национальности, указанной в «графе в паспорте»: «Родом-то все равно мариец. У меня и дети в паспортах марийцами написаны, хоть и не знают своего языка. Но национальность – марийцы» (М, 90, К). В остальных когортах распределение примерно равное. Отметим также мысль о необходимости учить марийский язык в случае его незнания, встречающуюся, как правило, у более молодых респондентов.

Большинство опрошенных подчеркивало роль языка для осознания себя марийцем: «Не знаю, кто это! Как можно не знать свой родной язык? Если мариец, то свой родной язык не забывает. С материнским молоком если впитал, то не забывает!» (Ж, 62, Ч). Указывалось также на то, что без языка понять, является ли человек марийцем, невозможно.

Знание языка также воспринимается как важная часть связи с культурой. Так, одна из респонденток, размышляя о своей семье, сказала следующее: «У меня дочка по идее наполовину марийка. Она хотя бы понимает. Но внуки уже всё. Я думаю, марийский надо знать хотя бы на уровне бытовом. Ладно, хотя бы понимаешь если. Но если не понимаешь – это уже не мариец. Кто понимает, но не говорит, – на нем уже порвется эта нить» (Ж, 59, К).

При этом примерно половина ответивших респондентов считает, что знание марийского языка не является ключевым фактором в определении человека марийцем.

Некоторая часть из этих ответов подразумевала определение «по паспорту» (см. выше), однако встречались и размышления на тему того, что знание языка в нынешних реалиях доступно далеко не для всех марийцев, что особенно верно в отношении тех, кто проживает вне диаспоры: «Это тяжелый вопрос. Люди живут далеко, себя марийцами считают. **У них возможности нет учить язык. Но при этом у них хватает мужества называть себя марийцами.** Надо гордиться такими людьми!» (Ж, 66, Б). Некоторые респонденты отмечают также, что «марийскость» не сводится только к языку: «Мариец – это не только язык. Это и выражение через мысли и через жесты. Даже через танец. “Веребочку” правильно

ское окончание, поэтому *мари литератур. Музей* – интернациональный корень же! А теперь *тоштер* – ‘центр старины’ получается, что ль. Может, я не права, но считаю, что нельзя до такой степени издеваться над языком. Поэтому некоторые даже газет не читают – выписывают на русском, потому что не понимают, что там написано [если на марийском. – В. О.]. Когда на русском читаешь, все понятно и ясно кажется. А на марийском, когда переводишь, – настолько это сложно! Если человек много этим занимается, ему нетрудно. А те, кто много на русском говорят – на марийском [только. – В. О.] на бытовом уровне, – они перестают выписывать» (Ж, 56, Б).

только мариец танцевать может. Тоже, **как мариец, танцевать будет**, а не как татарин или русский» (Ж, 58, Кй).

В связи с этим значимыми представляются данные по вопросу (6), в первую очередь отражающему коммуникативные предпочтения респондентов, но также и связь между этническим языком и принадлежностью к сообществу. Подавляющее большинство респондентов (58 человек из 72 опрошенных) будут общаться с марицем на мариийском, даже если тот изначально обратился к ним по-русски; 37 человек заявили, что сделают замечание марицу, говорящему по-русски (табл. 3).

Таблица 3

Будете ли Вы поправлять марица, если он начнет говорить с Вами по-русски?
Перейдете ли Вы сами на русский?

Table 3

Would you correct a Mari if he addressed you in Russian?
Would you switch to Russian yourself?

Когорта	Всего опрошенных	Перейдут на мариийский и сделают замечание	Просто перейдут на мариийский	Продолжат общение на русском
12–20	11	3	6	2
21–30	2	2	-	—
31–40	4	-	3	1
41–50	7	-	5	2
51–60	20	12	7	1
61–70	20	14	—	6
71+	8	6	—	2
Всего	72	37	21	14

Естественно, что более склонны делать замечания возрастные респонденты. Так, среди 28 респондентов старше 61 года 20 заявили о том, что с марицем будут общаться по-мариийски, при этом все указали, что сделают марицу замечание при попытке заговорить с ними на русском. В более молодых когортах респонденты чаще считают замечания потенциально конфликтной линией поведения, но всё равно переходят на мариийский.

В ответах респондентов прослеживается две основные причины, почему они предпочтут общаться на мариийском. Во-первых, общение на мариийском воспринимается как более простое и естественное, и респонденты мотивируют переход тем, что им «на мариийском проще общаться» (Ж, 15, Бай), и тем, что «у марицев на русском акцент есть» (Ж, 56, Бай). Вторая причина заключается в негативном отношении к марицам, избегающим говорить на родном языке: «У меня внутри уже начинает гореть. Ты кто, блин? Ты мариец или кто?! Если другой национальности человек, то все нормально. Но если мариец по-русски начинает, у меня внутри все горит. Есть какое-то. **Выпендривается или это**. Это куда годится?» (М, 62, Бай); «Если в городе встретишь, то мы сначала на русском. А вдруг он мариец, но на мариийском не знает? Или он такой, что не хочет на мариийском. Если это такого уровня человек – пожалуйста, я с тобой на мариийском не буду.

Но если он человек, и, если мы начали на русском, я спрошу, мариец ли он. И **мы начинаем на марийском. Значит, этот человек достоин уважения. А если он на марийском не хочет, то, значит, бесполезно с ним спорить. Значит, такого уровня этот человек. Значит, нету уровня»** (Ж, 56, Б).

Таким образом, в диаспоре поддерживается высокий уровень языковой лояльности, и марийский язык играет важную символическую роль для значительного числа респондентов, являясь признаком принадлежности к сообществу. В следующем разделе мы обсудим вопрос взаимосвязи языковой лояльности и сохранности языка. В частности, будет показано, что в отсутствие прагматических причин именно высокий уровень языковой лояльности в диаспоре дает мотивацию к поддержке и использованию марийского языка.

3. Языковая лояльность и сохранность языка

Взаимосвязь между языковой лояльностью и сохранностью языка достаточно сложна, и исследователи по-разному отвечают на вопрос, является ли высокая лояльность достаточной предпосылкой для ведения практической деятельности в сообществе по поддержке языка (см. обсуждение в поддержку этой точки зрения в [Fishman, 1991]; критику в [Баранова, 2010] и цитируемую там литературу). В этом разделе мы рассмотрим вопрос о связи языковой лояльности и сохранности языка в марийской диаспоре Башкортостана, в частности вопросы восприятия практической значимости марийского языка в сообществе и взгляд на основные риски для языка, а также отношение в сообществе к различным мерам по поддержке марийского языка.

Обратимся для начала к вопросу оценки сохранности марийского языка в обществе. Основные суждения на эту содержались в ответах на вопросы (3) и (4). Среди 82 человек, ответивших на эти вопросы, 69 признались, что испытывают страх за будущее марийского языка. Отметим, что среди 23 респондентов, не считающих, что марийский язык может исчезнуть, преобладают выходцы из Калтасинского (11 из 29 ответивших) и Шаранского (7 из 14 ответивших) районов.

Основная причина страха заключается, как уже отмечалось выше, в том, что во многих семьях язык перестает передаваться детям. Наши респонденты предлагают несколько объяснений этого. Во-первых, отмечается негативная роль детского сада, где детей обучают на русском языке: «Боимся, конечно. Наши внуки и внучки точно говорить не будут. Ругаю своих: “почему не говорят на марийском?”. В Чураево боимся особенно. **В соседних деревнях хотя бы садика нет, а тут с двух лет начинают уже по-русски.** Воспитательница марийка, но часть детей из города, по-марийски совсем не понимают, поэтому уж по-русски приходится» (Ж, 55, Ч). При этом часто отмечается, что воспитатели просят родителей больше говорить с детьми на русском, мотивируя это тем, что у русскоговорящего ребенка будет преимущество в школе. Иногда говорится даже о некоем официальном распоряжении, предписывающим воспитателям учить детей исключительно на русском. Среди причин языкового сдвига у детей называют также смешанные браки, когда родители, не владеющие языком друг друга, переходят на русский язык (см. цитату далее), а также интернет и телевидение, где также преобладает русский язык.

Вторая причина страха за марийский язык связана со взглядами на будущее деревни. Многие респонденты отмечают практически полное отсутствие перспектив жизни в деревне для молодых и прогнозируют в этой связи исчезновение ма-

рийского языка с уходом старших поколений – деревенских жителей: «Мы-то еще ладно – разговариваем... А вот в город уезжает [кто] – там всё меньше разговаривают... Детей в школе всё меньше – так и школа закроется... А там и деревня всё! Бабушки с дедушками только останутся» (Ж, 44, Бай); «...бывает страшно иногда, что пропадет наш язык; дети больше в городе, а в деревне работы нет. **Если бы в деревне жили, тогда, может, продолжилась бы традиция...** Но женятся на других нациях – и всё – может язык пропасть! **Мариец женится на русской – дети по-русски будут говорить.** Так и пропадает, наверно, язык...» (Ж, 60, Бай).

Таким образом, угрозы для марийского языка в диаспоре наши респонденты главным образом связывают с социально-экономическими факторами. В этих условиях изучение родного языка может восприниматься как менее перспективное по сравнению с доминирующим русским. Молодые люди в меньшей степени связывают свое будущее с деревней и, соответственно, могут считать, что марийский язык в будущем им не пригодится.

В этих условиях высокий уровень языковой лояльности представляется тем фактором, который определяет желание членов сообщества пользоваться марийским языком. Как было показано в предыдущем разделе, знание и использование марийского языка играет важную символическую роль в диаспоре, являясь одним из основных маркеров принадлежности к сообществу и ассоциации себя с марийской культурой.

Последний пункт определяет также взаимосвязь между марийским языком и марийской традиционной религией, также являющейся одним из оснований марийской идентичности в диаспоре (см. выше). Знание марийского языка необходимо для правильного соблюдения ритуала. Вот, например, как описывает молитвенный день, одна из респонденток из с. Бабаево «Как умею, как мама делала. А читать что-то еще душа уже не лежит... *Кумал ме кече* еще, молитвенный день после *Кугече*. В воскресенье это бывает. В печку блины кидаем и молимся. Но я стараюсь много не говорить (не молиться). Я точных наук человек, но соблюдать обычаи хочется. (Л: А молитесь на марийском языке?) Р.: – **на другом и нельзя молиться: не поймут, наверно**» (Ж, 76, Б).

Цитата показывает также, что в контексте религии язык также играет ключевую роль как средство общения с предками. Отдельные респонденты напрямую указывали на необходимость знать марийский язык, чтобы можно было обращаться к своим предкам: «[говоря о языках, которые понадобятся в будущем. – В. О.] как без родного? Это же связь с предками! Как же без него? предки же не услышат!» (Ж, 45, Ч). В более широкой перспективе об этом говорит и следующая респондентка, утверждающая, что знание родного языка – это в том числе проявление почтения к своим предкам: «Некоторые прямо говорят: “зачем марийский язык нужен? Он только для деревни!”. Да не в этом дело! Это ведь корни твои! Оно дает тебе силы на всю дальнейшую жизнь. Через материнское молоко тебе передается зов твоих предков – твои корни. А если ты это не ценишь, то, значит, у тебя этого нет. Значит, ты свою семью не уважаешь. А если ты на родном языке говоришь, то у тебя неосознанно... на генетическом уровне ты даешь добро своим детям. Ты, может, не задумываешься над этим, но это есть. Это законы жизни» (Ж, 56, Б).

Таким образом, высокий уровень языковой лояльности обеспечивает мотивацию для представителей марийской диаспоры Башкортостана пользоваться своим языком, что поддерживает его высокий статус в сообществе.

Заключение

В статье была описана языковая лояльность, т. е. набор психологических установок, членов сообщества к языку в старой марийской диаспоре Республики Башкортостан. Исследование основывалось на собственных полевых данных автора, собранных методом глубинного полуструктурированного интервью с представителями диаспоры.

Судя по этим данным, диаспора демонстрирует высокий уровень языковой лояльности по отношению к марийскому языку. Марийский язык не только является основным коммуникативным средством в диаспоре, но и выполняет важную символическую функцию, являясь наравне с традиционной марийской религией важнейшим компонентом идентичности восточных марийцев. Владение марийским языком отличает членов сообщества не только от соседних тюркских народов, но и от марийцев Мари Эл, которые часто воспринимаются в диаспоре как «обрусевшие».

Помимо описания проявлений языковой лояльности в диаспоре, мы также выдвинули гипотезу, что языковая лояльность может давать мотивацию членам сообщества для поддержки своего языка, давая основания для его использования в условиях, когда язык последовательно вытесняется из всех сфер социально-экономической жизни. В марийской диаспоре Башкортостана это проявляется в том, что знание языка является необходимым условием принадлежности к сообществу и к марийской культуре в целом. Марийский язык также продолжает играть важную духовную роль в сообществе, будучи языком религии, что дает еще одно основание для его использования.

Следует отметить, однако, что подобная мотивация, хотя и сильная, вряд ли может помочь в поддержании марийского языка среди марийцев, оторванных от сообщества. В поколении, выросшем вне сообщества марийцев Башкортостана, символическая роль марийского языка ощущается уже не столь явно (см. [Куцаева, 2020; 2023] об этом на примере марийцев московского региона), что может привести к утрате языка.

Список литературы

- Апсатарова С. И.* Мишкинский говор в системе диалектов марийского языка: Фонетико-морфологическая характеристика: Дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1999. 195 с.
- Баранова В. В.* «Каждый калмык должен знать родной язык?» Языковая лояльность сообщества в диахронии // *Nomen est omen: Сб. ст. к 60-летию Николая Борисовича Вахтина (от непослушных учеников)* / Под ред. А. К. Байбурина, Е. В. Головки. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. С. 15–23.
- Беликов В. И.* Надежность советских этнодемографических данных // *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект: Сб. ст.* / Сост. А. И. Кузнецова, О. В. Раевская, С. С. Скорвид. М., 1997. С. 12–43.
- Вахтин Н. Б., Головки Е. В.* Социолингвистика и социология языка: Учеб. пособие. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 336 с.
- ССТ – Словарь социолингвистических терминов* / Под ред. В. Ю. Михальченко. М.: ИЯз РАН, 2006. 312 с.
- Кондрашкина Е. А.* Диаспора // *Язык и общество*. М.: Азбуковник, 2016. С. 134–142.

Куцаева М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. 2020. № 2. С. 124–150.

Куцаева М. В. Из старой диаспоры в новую: к вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев (на материале социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона) // Урало-алтайские исследования. 2023. Т. 51, № 4. С. 54–79.

Садиков Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: Первая типография, 2016. 274 с.

Сельдюкова А. Т. Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении (прибельский диалект). М.: ИЯз РАН, 2011. 275 с.

Сенеев Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1976. 247 с.

Сенеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 200 с.

Fishman J. A. Language loyalty in the United States: the maintenance and perpetuation of non-English mother tongues by American ethnic and religious groups. The Hague: Mouton, 1966. 478 p.

Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters, 1991. 431 p.

Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. Hague: Mouton Publishers, 1979. 265 p.

References

Apsatarova S. I. *Mishkinskiy govor v sisteme dialektov mariyskogo yazyka: Fonetiko-morfologicheskaya kharakteristika* [Mishkino Mari in the system of the Mari dialects. Phonological and morphological characteristics]. Cand. Philol. Sci. diss. Yoshkar-Ola, 1999, 195 p.

Baranova V. V. “Kazhdy kalmyk dolzhen znat’ rodnoy yazyk?” Yazykovaya loyal’nost’ soobshchestva v diakhronii [Should every Kalmyk know his native language? Linguistic loyalty of the community in diachrony]. In: *Nomen est omen: Sb. st. k 60-letiyu Nikolaya Borisovicha Vakhtina (ot neposlushnykh uchenikov)* [Nomen est omen: Collection of articles for the 60th anniversary of Nikolai Borisovich Vakhtin (from disobedient students)]. A. K. Bayburin and E. V. Golovko (Eds.). St. Petersburg, Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge, 2010, pp. 15–23.

Belikov V. I. Nadezhnost’ sovetskikh etnodemograficheskikh dannyykh [Reliability of Soviet ethnodemographic data]. In: *Malye yazyki Yevrazii: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Minor languages of Eurasia. Sociolinguistic perspective]. A. I. Kuznetsova, O. V. Raevskaya, S. C. Skorvid (Eds.). Moscow, 1997, pp. 12–43.

Fishman J. A. *Language loyalty in the United States: the maintenance and perpetuation of non-English mother tongues by American ethnic and religious groups*. The Hague, Mouton, 1966, 478 p.

Fishman J. A. *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Clevedon, Multilingual Matters, 1991, 448 p.

Kondrashkina E. A. Diaspora In: *Yazyk i obshchestvo* [Language and society]. Moscow, Azbukovnik, 2016, pp. 134–142.

Kutsaeva M. V. Mariytsy Moskvy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loyal'nost' v usloviyakh vnutrenney diasporы [Moscow Mari. Ethnic identity and language loyalty in an inner diaspora]. *Rodnoy yazyk*. 2020, no. 2, pp. 124–150.

Kutsaeva M. V. Iz staroy diasporы v novuyu: k voprosu o sokhrannosti yazyka i kul'tury bashkirskikh mariytsev (na materiale sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariyskoy diasporе moskovskogo regiona) [From the old diaspora to a new one: Language and culture preservation in Bashkir Mari diaspora (based on sociolinguistic research on the Moscow region diaspora)]. *Ural-Altaic Studies*. 2023, vol. 51, no. 4, pp. 54–79.

Sadikov R. R. *Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-ugric people of the Bashkortostan Republic (History, Culture and Demography)]. Ufa, Pervaya tipografiya, 2016, 274 p.

Sel'dyukova A. T. *Issledovanie mariyskogo dialekta v inoyazychnom okruzenii (pribel'skiy dialekt)* [Research on a Mari dialect in foreign surrounding (Pribelsky dialect)]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2011, 275 p.

Sepeev G. A. *Istoriya rasseleniya mariytsev* [History of Mari resettlement]. Yoshkar-Ola, MNRILCL, 2006, 200 p.

Sepeev G. A. *Vostochnye mariytsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noy kul'tury (seredina 19 – nachalo 20 v.)* [Eastern Mari. Ethnohistoric research on material culture]. Yoshkar-Ola, Mariyskoye kn. izd., 1976, 247 p.

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. V. Yu. Mikhail'chenko (Ed.). Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2006, 312 p.

Vakhtin N. B., Golovko E. V. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: Ucheb. posobie* [Sociolinguistics and sociology of language: A textbook]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya, 2004, 336 p.

Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. Hague, Mouton Publishers, 1979, 265 p.

Информация об авторе

Владислав Андреевич Орлов, младший научный сотрудник Группы финно-угорских языков Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Information about the author

Vladislav A. Orlov, Junior Researcher, Group for Finno-Ugric Languages, Department of Ural-Altaic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 30.09.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 20.03.2025
The article was submitted on 30.09.2024;
approved after reviewing on 20.03.2025; accepted for publication on 20.03.2025